

Алексей Гатапов

ТЭМУДЖИН

Книга 3

Тэмуджин

Алексей Гатапов

Тэмуджин. Книга 3

«ФТМ»

2014

Гатапов А.

Тэмуджин. Книга 3 / А. Гатапов — «ФТМ», 2014 — (Тэмуджин)

ISBN 978-5-4467-2665-3

Третья книга романа «Тэмуджин» продолжает историю юного Чингисхана. В ней описывается война между ононскими и керуленскими родами, разгоревшаяся вскоре после событий, показанных в первых книгах. Безвыходное положение, в котором оказались роды монголов, неспособность нойонов обеспечить мир и благополучие побуждают Тэмуджина активно вмешаться в политическую жизнь племени, что приводит к его восхождению в иерархию монгольских вождей. В ходе меркитского похода Тэмуджин обретает власть над отцовским войском.

ISBN 978-5-4467-2665-3

© Гатапов А., 2014

© ФТМ, 2014

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	8
III	11
IV	17
V	19
VI	21
VII	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алексей Гатапов Тэмуджин. Книга 3

© Текст. А. С. Гатапов, 2020
© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

* * *

*С мирными людьми будь как ласковый бычок,
В войнах с врагами будь как голодный беркут.*

«Билик» (изречения Чингисхана)

Часть первая

I

В следующую зиму после женитьбы Тэмуджина в монгольской степи разгорелась настоящая война между ононскими и керуленскими родами. Вражда их, впервые вспыхнувшая после летнего нашествия онгутов, татар и чжурчженей и всю осень тлевшая в глухой грызне, в набеггах – с пока еще мелкими стычками, убийствами пастухов при стадах и угоном скота, – вдруг запылала буйным степным пожаром, разразилась многотысячными походами друг на друга, кровопролитными битвами тумэнов под родовыми знаменами.

По большим куреням гремели боевые барабаны, из окрестных урочищ по призыву нойонов собирались воины от молодых до старых, толпились вокруг, а ночами шаманы с намазанными кровью лицами били в бубны, глядя в звездное небо, плясали на перевернутых котлах, призывая на помощь богов и духов. Вожжи резали лошадей и баранов, уменьшая и без того поредевшие стада и табуны, – обильно подносили небожителям. Тут же и пировали, поднимая воинам дух. Тайчиутский Таргудай Хирэлтэг и некоторые крупные нойоны принесли жертвы людьми. Исступленно молились все, прося богов ниспослать удачу в войне, словно поднимались они на каких-то чужеземных врагов, а не на кровных соплеменников.

* * *

А еще летом, когда ононские борджигины, вернувшись из низовий (где они во главе с Таргудаем прятались от нашествия чужеземцев), только начинали свои нападки на керуленских монголов, те в большинстве своем не очень охотно вступали в грызнию с ними. До последнего они надеялись на мирный исход и пытались уклониться от прямых столкновений. В начале молочного месяца хонгираты и олхонуты без спора уступили сородичам Таргудая некоторые свои северные пастбища, другие не ответили на угон скота. Затаившись, они выжидали, что будет дальше. Одни лишь джадараны в конце того же месяца решились выступить против тайчиутов, позарившихся на их владения по верховью Шууса, и дали отпор, сойдясь с ними в настоящем большом сражении. Тогда-то и призывал Таргудай на помощь есугеевских тысячников, а те по наущению Мэнлига обманули его и укочевали на земли джадаранов.

После этого на некоторое время наступило затишье – всем было недосуг, роды возились со своими стадами и табунами, не успевали справляться с хозяйством. Курени перекочевывали сначала на осенние, а потом и на зимние пастбища, а пора в тот год выдалась трудная. Зима пришла ранняя, почти всюду выпал большой снег, люди спасали скот от бескормицы, часто перекочевывали с места на место, разыскивая пригодные для пастбы урочища. Курени то распадалась на мелкие части и разбредались по разным сторонам, то, попав на хорошие места, сходились с айлами других родов; стада их перемешивались, они долго разбирались, где чей скот, делились и расходились в поисках другого места...

В эту же пору в монгольской степи развелось особенно много волков. Огромными стаями по полусотне и более голов, ведомые чудовищных размеров – как рассказывали видевшие, – с кобылу ростом, вожаками, они рыскали всюду и нападали на скот. Безудержно резвясь и утоляя звериный свой голод, они рвали коров и лошадей, оставляя после кровавых пиров недоеденные туши. Звериные объедки подбирали рабы и харачу, с корзинами и мешками бредя по степи, тащили в свои юрты, чтобы накормить голодных детей.

После первых потерь от волчьих нападков курени стали выставлять воинские отряды в караулы – целыми сотнями. Днями и ночами те находились при стадах, оцепив их со всех сторон, свистящими стрелами встречая звериные полчища.

Пора выдалась хлопотная, казалось бы, всем сейчас не до войны, но все понимали, что вражда между южными и северными родами, раз уже омытая кровью, так просто не закончится. Исполдволь все готовились к новым событиям.

– Войны не миновать, – уверенно говорили старики, – волков много развелось, а это самая верная примета.

Керуленские роды, раньше нечасто объединявшиеся между собой и предпочитавшие в мирное время жить каждый сам по себе, теперь, волей-неволей, стали прощупывать между собой связи. Зачастили между родами гонцы и посольства. Больше всего они стремились сблизиться с многочисленными и отважными джадаранами, которые раз уже дали отпор борджигинам и всем показали свою силу.

Вожди южных родов частенько стали навещать джадаранский курень – встречались там, договаривались на случай войны, подсчитывали общие силы. Решимости им придавало и то, что на джадаранских землях стояло сильное войско Есугея, враждебное Таргудаю, да к ним же прибивались еще генигесы – те самые, которых во время летнего отступления на Ононе Таргудай бросил на съедение онгутам, а те, не имея иного выхода, перешли на сторону пришельцев. С онгутами они и собирались уходить на южную сторону Гоби, навсегда покидая родное племя, но в последнее время, увидев, что в племени назревает раскол, остались на Керулуне. Джадаранский Хара Хадан и их приютил на своей земле, рассчитывая, что и они пригодятся в противостоянии с борджигинами.

Соплеменники – и с той, и с другой стороны – чувствуя, что прежние беззаботные времена миновали и в любой день может нагрянуть буря большой войны, притихли в тревожном ожидании. И по Онону, и по Керулену курени замерли в тоскливой тишине. Даже важные осенние тайлганы, обычно пышные и многодневные, теперь проходили без былого шума и веселья, без пиров и гуляний. Лишь богам приносили жертвы, собираясь то на западных, то на восточных сторонах куреней, и тут же расходились, и вновь застывала все та же гнетущая, выжидающая тишина.

В этот год почти не проводилось и свадеб (обычно они приходились на осеннюю молочную пору), да и те немногие айлы, которые решались исполнить прежде заключенный стговор, проводили все быстро, наспех – лишь бы свершить обряды.

Мужчины точили оружие, ладили доспехи. Юноши под присмотром десятников и сотников почти ежедневно выходили на учения, толпами носились вокруг окрестных холмов с копьями наперевес, поднимая за собой густые снежные вихри. В ожидании битв и сражений они спешили научиться главным премудростям войны: сообщать наступать и отступать, заманивать, окружать...

У окраинных юрт подолгу стояли старики и подростки, смотрели, как по заснеженным склонам муравьиными полчищами рассыпаются всадники в конном строю. Подростки возбужденно кричали, спорили:

– Этот край отстает!

– А как не отстанет, когда у этих круг больше выходит.

– Это те должны были придержать коней.

– Пока будешь придерживать, враги успеют перестроиться...

Старики все больше молчали, хмурили лица, потихоньку переговаривались:

– Сейчас-то как будто бодрые, посмотрим, каковы будут, когда придет враг, не подвели бы в нужное время...

– Не наложили бы в штаны.

– Эх, вони много будет...

II

Тэмуджин всю осень прожил в беспокойном, нетерпеливом ожидании той поры, когда он с помощью кереитского хана сможет вернуть отцовский улус. Пошел уже третий год после смерти отца. Временами неотвязным роем осаждали его тяжелые мысли о разных угрозах, нависших над ним, готовых вот-вот разрушить его заветную мечту. То ему казалось, что время идет слишком долго и подданные отца, прижившись в других улусах, забудут о нем и предадутся к другим нойонам, то он думал, что Таргудай переманит отцовских тысячников, договорится с ними и приберет войско, то он боялся, что Мэнлиг и Кокэчу за его спиной замышляют какие-то новые каверзы...

Мучительно считал он зимние и летние месяцы впереди, после которых ему исполнится тринадцать лет и он наконец обретет право на то, чтобы поднять отцовское знамя. Каждый раз во время таких раздумий он с трудом перебарывал в себе негодные, нерешительные мысли, силой поднимал свой дух, заставляя себя верить в лучший конец.

Безделье и внутренняя борьба с самим собой изматывали его, но он крепился, стараясь не поддаваться топкой, засасывающей трясине тоски и тревоги. Занимал время то охотой на зверя, то воинскими делами с братьями и нукерами, то, на короткое время забывая обо всем на свете, предавался горячим ласкам с молодой женой. Внимательно следил он за жизнью в степи, время от времени посылая за новостями в борджигинские курени своих нукеров Боорчи и Джэлмэ, и пытался понять, к какому исходу клонятся там события.

Утром и вечером Тэмуджин молился богам и духам предков. С восходом солнца он брызгал молоком западным богам, надрывным от волнения голосом выкрикивая их имена, с закатом он так же старательно угощал восточных, преподнося им арзу и хорзу. Каждый раз он просил матерей не жалеть молока и побольше выгонять вина. Чаще же всего он обращался к богине Эхэ Саган и к ее праправнуку Чингису Шэрэтэ Богдо, к которым прошлой зимой, будучи в тайчиутском плену, он летал во сне. «Ведь вы сами наказывали мне установить в племени порядок! – запальчиво говорил им Тэмуджин в пору отчаяния. – Как же я это исполню, если не смогу вернуть отцовский улус? Поддержите же меня, дайте мне силы и возможность...»

Из предков он обращался к духам отца Есугея, прадеда хана Хабула и дальнего предка в одиннадцатом колене – Дува Соохора, большого белого дархана¹, того самого, который мог видеть на три кочевки вперед и сжег души девяти татарских черных шаманов. Его Тэмуджин просил помогать угадывать происки врагов и помешать им, как только те начнут что-нибудь против него.

В себе он смутно чувствовал какие-то проблески данных предками дарханских сил. Порой он бывал уверен, что ни один на свете шаман не сможет повлиять на него своим колдовством, а сам он сумеет заставить любого, даже самого Таргудая, отказаться от козней против него. Однако, помня давний наказ старых шаманов племени, он берег свои тайные силы, зарекся тратить их на исток. «Наступит пора, придет знак с неба, тогда и научусь всему», – думал он.

Джэлмэ как-то съездил к своему отцу, кузнецу Джарчиудаю, и привез с собой небольшое дарханское снаряжение – малую наковальню с мехами и молотом. Для него на дальнем краю поляны, под горой, вырыли небольшую землянку для кузни. И теперь в ночь каждого полнолуния оттуда подолгу доносились звон железа и крики его взываний. Тэмуджин иногда при-

---

¹ Дархан (*монг.*) – кузнец либо ювелир и, как правило, маг. Дарханы исполняли жреческие функции наравне с шаманами. Как и шаманы, делились на черных (кузнецы, мастера по железу) и белых (ювелиры, мастера по золоту, серебру и цветным металлам). Соответственно, являлись черными и белыми магами.

существовал на его молитвах, а один раз даже взялся за молот и пробовал бить по раскаленному пруту на наковальне, лоя в себе какие-то невнятные, волнующие душу отзвуки.

Поначалу все в семье, да и Тэмуджин тоже, без особенного почтения смотрели на дарханские корни Джэлмэ, считая, что не очень-то он искушен в тайных искусствах своих предков. Но однажды мать Оэлун обратила внимание Тэмуджина на то, что черный жеребец Джэлмэ, всю ночь простояв у коновязи, к утру вдруг становится мокрым от пота – даже пеной покрываются шея и круп, словно он в непрерывной скачке провел все это время, а сам Джэлмэ в такие дни спит до полудня, тогда как с вечера ложился вместе со всеми, с темнотой.

– Не иначе, – шепотом говорила мать, – Джэлмэ во сне ездит на своем коне куда-то и возвращается к утру. Оттого и спит долго, и конь его в поту.

Такие необыкновенные случаи были замечены за ним несколько раз, и все домочадцы понемногу изменили к нему отношение, стали смотреть на него с почтением. Однажды мать Оэлун попросила его погадать на бараньей лопатке. Вышло, что поначалу будет не все гладко, Джэлмэ показал ей на несколько темных трещин, которые указывали на опасности и лишения, однако в конце получился благополучный исход, и мать, какое-то время поволновавшись, успокоилась.

На исходе лета Тэмуджин (вскоре после того, как вернулся из поездки к керейтскому хану) перебрался со своим айлом с Бурхан-Халдуна в горную долину верхнего Керулена. Сделал он так после того, как дотошно, до самых мелочей обдумал новое положение и пришел к решению, что ему надо быть подальше от Таргудая. Рано или поздно тот должен был узнать о его женитьбе на дочери керуленского нойона, нынешнего противника борджигинов. Это должно было показать ему, что Тэмуджин растет и становится опасен. Да и отцовский тумэн находился у джадаранов, а все это означало, что и сам он теперь стоит против тайчиутов.

«У Таргудая теперь все основания, чтобы вновь начать на меня охоту, – окончательно решил он. – И на этот раз он не будет возиться долго, постарается скорее покончить со мной. Значит, мне нечего тут дожидаться».

И вообще здесь было спокойнее, подальше и безопаснее от ононской степи, где всюю разгоралась война и монгольские роды всюду безумствовали в разбойных набегах друг на друга.

Давнее обещание Мэнлига оградить его от Таргудая теперь казалось ненадежным. После разговора с ним и Кокэчу на своей свадьбе Тэмуджин стал по-другому относиться к ним. Из добрых друзей и нукеров, готовых честно стараться для него, те в его глазах превратились в таких спутников, которые только и смотрят, чем бы от него поживиться. Таким нельзя было доверять до конца.

Однако Тэмуджин знал, что они и дальше будут помогать ему – из тех же корыстных целей, – лишь бы он сам оставался покладистым с ними. И после долгих раздумий над трудными и неясными их отношениями он пришел к решению, что на первых порах цель у них одна – вернуть ему отцовский улус. Но после этого они неизбежно должны будут перейти в противостояние: те захотят забрать над ним власть и распорядиться его улусом по своей прихоти, тогда как он хочет править своим владением, не спрашивая у них советов. И теперь, имея за своей спиной могучую силу керейтского хана, уже не боясь Мэнлига и Кокэчу, Тэмуджин решил по-прежнему использовать их для возвращения отцовского улуса. О дальнейшем, успокаивая себя, он думал: «Когда откроется, что мне помогает сам керейтский хан, они осознают никчемность своих потуг и сами отстанут от меня».

Новым местом для своего стойбища Тэмуджин выбрал укромную теснину Бурги-Эрги – там, где прошлым летом после свадьбы они простились со сватами – матерью и братьями Бортэ, проводив их в обратный путь. Он еще тогда заметил и запомнил это место. Вместе со своими близкими он возвращался отсюда домой, когда его вдруг осенила спасительная догадка обратиться за помощью к керейтскому хану. Он придавал этому большое значение: значит, место это для него благоприятное, здешние духи благосклонны к нему и будут охранять его

от опасностей. Затерянное глубоко в горах, во много раз отдаленнее от борджигинской степи, чем прежде их место в верховье Онона, это урочище было вполне надежным: большинство ононских монголов о нем и знать не могло, а до керуленских была прямая дорога вниз по реке.

Придя сюда, он первым делом вместе с Джэлмэ возжег огонь и обратился к духам – хозяевам местности с просьбой принять его под свою защиту. Безлунной ночью, зарезав черного барана, они принесли им жертву мясом и кровью, а солнечным утром матери Оэлун и Сочигэл принесли жертву белым духам – молоком и маслом.

Поставив все четыре юрты на чистом месте под горой, перед ровной травянистой поляной, семья Есугея зажила новой жизнью. В большой юрте теперь жили Тэмуджин с Бортэ, Оэлун с дочерью перебрались в малую юрту, к Сочигэл, а остальные братья вместе с нукерами поселились в бывшей кожевенной юрте. В молочной юрте держали запасы еды и сундуки с домашним скарбом. Там же, у теплого очага, среди котлов и туесов ночевала единственная их рабыня Хоахчин.

III

С женитьбой Тэмуджина и приходом к нему нукеров жизнь в айле Есугея заметно изменилась. С появлением новых людей резко оживились братья, да и матери словно встряхнулись от какой-то занудной дремы, окутавшей было их стойбище за последние годы, отбросили прижившуюся между всеми застарелую тоску.

Больше всех радовались младшие братья. Тут и там по окрестностям стойбища теперь гремели звонкие их голоса. Между юртами часто раздавался беспечно-веселый молодой смех. Даже споры и ругань, то и дело вспыхивавшие между делом, стали звучать по-иному – веселее, беззлобнее.

Но сильнее всего воодушевляла всех летняя поездка Тэмуджина к керейтскому хану и обещание того помочь им вернуть отцовский улус. Теперь им порукой была не прежняя – смутная, ничем не подкрепленная – надежда на справедливость, которую они лелеяли до этого, а твердое слово сильнейшего в степи властителя, имеющего несметное войско, могущего одним разом разгромить Таргудая со всеми его тайчиутами и остальными борджигинами. И отныне семья Есугея ждала лишь совершеннолетия Тэмуджина, когда по закону ему будут возвращены подданные и табуны, – и тогда заживут они, как раньше, в большом многолюдном курене, весело и счастливо.

Шум в их стойбище не стихал и вечерами. Часто младшие братья вместе с нукерами до ночи засиживались у огня. До других юрт доносился звонкий, залиvistый смех и гомон, радуя матерей, оживляя их истосковавшиеся сердца. Иногда они и Тэмулун отправляли к братьям, чтобы та посмеялась вместе с ними, чтобы не зачерствело ее детское сердце. Тэмугэ и Хачиун, бывало, прогоняли ее, не желая допускать ее в мужской круг, она возвращалась к матерям в слезах, те приходили защищать ее, заставляли братьев признать за сестрой право быть вместе с ними...

Джэлмэ, хорошо знающий старину, иногда рассказывал древние сказания, которых он держал в своей памяти бесчисленное множество. И матери время от времени звали его в свою юрту, чтобы послушать былины, и тогда вся семья перебиралась в жилище матерей. За накрытым столом все угощались молочными пенками, перетертыми ягодами со сливками, вареной сметаной, а старшим наливали крепкий айрак.

Чутко сторожа тишину, под треск костра слушали они удивительные сказания о жизни своих дальних предков, об их жестоких войнах с многоголовыми чудовищами-мангадхаями, некогда заполнявшими ононские и керуленские степи, о походах древних воинов на дальний запад, за пять соленых морей и семь великих рек. Туда, на край земли, вслед за солнцем уходили тумэны молодых багатуров, а возвращались лишь немногие – поседевшие, истощенные в дальних походах старцы, решившие умереть на родной земле, где зарыты их тоонто².

Удивительное рассказывал Джэлмэ о волшебствах древних шаманов и дарханов, о том, как во время битв они призывали на помощь духов – черных всадников из мира предков. О том, как они появлялись вдруг ниоткуда перед вражескими войсками, неслись на них жуткими безмолвными тенями, ввергая их в смертельный ужас, заставляя их бежать без оглядки с поля битвы...

Осень выдалась теплая, солнечная. Здесь, вдали от открытых степей, в глуши и безлюдье непуганые стада нагулявших жира косуль, изюбров и лосей паслись прямо за ближними зарослями. Всюду черными косяками бродили кабаны. Радуясь этому, братья и нукеры успевали добыть побольше зверей, вялили и сушили мясо на зиму.

---

² Тоонто (монг.) – послед новорожденного, который торжественно, с особыми обрядами зарывался в землю.

Но главным делом для братьев неизменно были все те же установленные Тэмуджином воинские учения. С появлением нукеров, показывая перед ними свои умения, они с еще большим рвением старались в овладении оружием, бились между собой на прутьях, стреляли с места и на скаку, наискосок срубали саблей тонкие прутья, воткнутые в землю, метали копья и арканы. На поляне перед стойбищем обычно с утра до полудня не умолкали топот и крики, ожесточенные споры, смех и ругань.

Пользуясь временем, делали запасы в оружии и снаряжении, готовились к неведомым будущим событиям. Из конских хвостов и грив плели тонкие арканы, из лосиных крепких костей вытачивали наконечники для стрел, сушили прутья для древков. Оказалось, что Джэлмэ умеет делать хорошие роговые луки, да еще выковывать из толстых стальных прутьев, которые в прошлые годы во множестве навозили уйгурские купцы, длинные лезвия для ножей. В отцовских сундуках оставалось десятка три таких прутьев длиной в локоть, и Тэмуджин дал ему на пробу несколько железных палок. Увидев первые два длинных ножа, сделанные им, Тэмуджин освободил его от других дел. Кузню-землянку его расширили, укрыли дерном, дали ему в помощники Бэлгутэя и оставили их готовить оружие для всех.

Боорчи, выросший в табунах своего отца и знающий, как увеличивать у коней силу и выносливость, и здесь взялся за лошадей. Ежедневно после полудня он вместе с Хасаром и Хачиуном проезжал по горным тропам ездовых жеребцов и мерин. В первые же дни они вдоль и поперек объездили все окрестные пади и хребты, заодно осмотрели все горные проходы вокруг. Позже стали пускаться вниз по реке, прокладывая тропу до южного края тайги, до керуленской степи.

Почти два месяца, до выпадения больших снегов, меняя лошадей, носились они по дебрям. Рысили по горным увалам, взбирались по крутым склонам и проезжали над отвесными обрывами, где далеко внизу среди камней плескалась пенная вода, приучая коней к тяжелым переходам в горах, приучая их брать каменистые взгорья и спуски, прыгать через валуны и поваленные деревья.

Взятые из табуна Мэнлига молодые мерин, непривычные к горным кручам, поначалу задыхались, покрывались потом и пеной, но уже через месяц почти все без устали одолевали расстояние дня пути по горным дорогам. Боорчи после долгого испытания из девяти молодых мерин отобрал семерых, двух остальных он посоветовал вернуть Мэнлигу и поменять на лучших.

– И эти кони будто неплохие, рысистые, – сказал он, – но для горных дорог ноги у них слабоваты.

Очень доволен был Тэмуджин, что оба нукера у него оказались умельцами в нужных делах: один по оружию, другой – знаток лошадей. «Каждый из них десятерых стоит! – радуясь, потирал он руки, когда оставался один. – Луки и ножи дорого стоят, а хорошо обученная лошадь может и от верной смерти спасти. Надо, чтобы они всему обучили моих братьев».

Не меньше он радовался, глядя на то, как воспрянули его братья, находясь в новом окружении. По сравнению с прошлыми годами, когда они мучились от тоски, не видя никого вокруг, лица их просветлели, в глазах вновь загорелись озорные веселые огни, как раньше, при жизни в большом курене.

За последний год братья заметно выросли и как-то разом изменились в обличье и поведении. Больше всех изменился Хасар – он как-то резко вытянулся и теперь ростом почти не отставал от Тэмуджина, сильно раздавшись в плечах. У него и лицо стало другим: черты огрубели, как у взрослого мужчины, а поперек левой брови навсегда пролегал шрам от острого камня, который задел, падая с коня. Прежде весело-шаловные его глаза посуровели и теперь поблескивали холодноватыми волчьими огнями. Умом прежний – думающий об одном и том же: что бы у кого-нибудь отобрать, захватить, кого бы побить, – он был бы бедой для младших братьев, если бы не строгий и решительный на расправу старший брат.

Бэлгутэй тоже окреп телом, подрос и все больше походил на своего покойного брата Бэктэра: те же низко пролегли над глазами брови, плоское кругловатое лицо, так же он сутулился, сидя за очагом, исподлобья глядя на окружающих. Но нутром он ничем не напоминал беспокойного брата, был мягок, податлив душой, охотно приходил на помощь ко всем, кто звал и не звал его. За простоту и щедрость любили его младшие братья и матери – все, кроме Хасара.

Тот недолюбливал сводного брата и, припоминая ему старое, часто издевался над ним, задевал его: то шапку с него собьет, то коня под ним стегнет длинным своим кнутом, заставляя того шарахнуть в сторону, едва не сбросив седока. Иногда он доводил мягкого Бэлгутэя до того, что тот огрызался и, казалось, готов был броситься на обидчика с кулаками. Но Хасар тут же пресекал его, не давая ему излить возмущение, напоминал о прошлом:

– Но-но, ты не очень-то тут трепыхайся. Что, забыл, как вы с Бэктэром задирали носы перед нами? Смотри, а то я тебя и один могу отравить вслед за братцем. Зарежу как ягненка.

Тот, опешив, уходил прочь, придавленный тяжким обвинением, обреченный и дальше нести на себе вину своего давно ушедшего брата.

Тэмуджин, обычно занятый своими заботами, в мыслях чаще всего находясь вдали от домашних хлопот, поначалу не замечал своеволия Хасара, того, что он притесняет Бэлгутэя. Да и Хасар в его присутствии не сильно показывал свои разбойные замашки, все больше помалкивал. Но однажды Тэмуджину вдруг разом открылось то, что творилось между братьями.

В один из осенних вечеров он поговорил с Боорчи, вернувшимся из аруладского куреня, где гостил у своего отца, и, отпустив его, сидел у очага в одиночестве, обдумывая привезенные нукером племенные новости. В это время и пришел к нему Тэмугэ. Войдя, он робко покашлял у двери, зная, что нельзя мешать брату, когда тот обдумывает дела.

– Что тебе, младший брат? – спросила Бортэ, разминавшая на женской половине тарбаганью шкурку.

Тэмуджин только тут заметил вошедшего. Недовольно покосившись, спросил:

– Ну, что случилось?

– Хасар опять побил Бэлгутэя, – возмущенным голосом протянул Тэмугэ. – Нос ему до крови разбил.

Тэмуджин некоторое время молчал, с неохотой отрываясь от своих мыслей и стараясь вникнуть в услышанное.

– Опять? – удивленно переспросил он. – Он что, и раньше его бил?

– И в прошлом месяце бил, и еще раньше... да он все время его задирает, спокойно пройти не дает.

Тэмуджин был неприятно удивлен тем, что под носом у него заваривается новая смута, а он не знает об этом ничего. Он и прежде замечал, что братья не очень ладят между собой, но не подозревал, что дело зашло так далеко.

«А ведь это, может быть, нешуточная зреет вражда, – подумал он, хмуро глядя перед собой. – К хорошему, однако, это не приведет. Надо пресечь, пока не поздно...»

Он тут же приказал вызвать Хасара.

Тот пришел, видно, уже догадываясь, в чем дело, встал у двери, нахохлившись, будто готовясь к отпору.

– Садись. – Тэмуджин указал ему место перед собой.

Тот прошел, сел, непримиримо сдвинув брови, зло уставясь на закопченный камень очага.

– Ты почему обижаешь Бэлгутэя? – стараясь быть спокойным, спросил Тэмуджин. – Силы девать некуда или дел больше нет?

Тот возмущенно расширил красные от злобы глаза, закрутил ими по юрте, будто искал что-то.

– А ты забыл, как он со своим Бэктэром шел против нас? – выпалил он. – Да если бы мы тогда не отправили старшего к предкам, этот и сейчас вместе с братцем строил бы нам козни...

– Подожди ты... ты пойми, – сдерживая вдруг возникшее желание накричать на него, стал убеждать Тэмуджин, – Бэктэр был одно, а этот брат совсем другое. Теперь он тебе не опасен, а потом может стать и верным другом.

– Не нуждаюсь я в его дружбе, – стоял тот на своем, – нукеров я себе потом и не таких найду.

– Ведь он после Бэктэра как сирота, – пытался еще увещевать его Тэмуджин, приводя последний довод. – Отцовская кровь в нем, для нас всех он – как память об отце.

– Ха!.. – зло усмехнулся Хасар, подняв лицо к дымоходу. – Хороша же память об отце... Тогда он был готов растоптать нас... Не дам я ему покоя, пока он сполна не получит за прошлое.

– И так же бить будешь? – вкрадчиво спросил Тэмуджин, уже видя, что бессмысленно убеждать брата.

– Буду бить! – тот упрямо дернул головой. – Чтобы помнил, как он со своим Бэктэром шел против нас, детей Оэлун-эхэ...

– Ладно, хватит! – оборвал его Тэмуджин. – Глупая у тебя голова. Думай там себе, что хочешь, но запомни одно: если только я услышу, что ты опять притесняешь Бэлгутэя, тут же получишь от меня десять прутьев по голой спине. Прикажу Джэлмэ и Боорчи взять тебя за оба крыла, растянуть на земле и всыпать так, чтобы на всю жизнь запомнил, как брата обижать. Ты понял?

Хасар побурел лицом, уперся взглядом в землю.

– Ты понял меня или нет? – холодно, не обещающим добра голосом переспросил Тэмуджин.

– Понял, – все так же пряча взгляд, выдавил Хасар.

Тэмуджин пристально смотрел на него и видел, что тот не желает понимать его: сидел набычившись, уперев злобный взгляд в землю, всем видом показывал свое несогласие с ним.

Набираясь спокойствия, он внушительно сказал:

– Запомни, есть две породы людей, которые я не могу терпеть, – это слишком подлые и слишком глупые. От них все беды и несчастья, из-за них страдают все вокруг, и будь моя воля, я бы всех таких уничтожил, очистил от них землю. Бэктэр был таким, и потому я решил его убить. Таков же и Таргудай, наш враг, а ты знаешь, сколько беды такие люди творят?.. Глупые и подлые – мои враги на этой земле, и я предупреждаю тебя: ты не должен быть таким, ты должен изо всех сил стараться быть умным, честным, а для этого нужно напрягать мозги. Иди и хорошенько подумай об этом.

Хасар рывком поднялся и пошел к выходу. Тэмуджин смотрел ему вслед, пока тот, согнувшись под пологом, не вышел из юрты.

Проводив его, Тэмуджин задумался о Бэлгутэе.

«Слишком уж смирен сводный брат, повадками больше не на парня, а на девушку похож, – раздраженно подумал он и тут же был озадачен запоздалыми вопросами: – А какой будет толк от такого человека в будущем, если сейчас он так безропотно сносит обиды? И в кого он пошел – такой тихий? Он и при Бэктэре был несмелый, а теперь и вовсе притих».

За дверью мелькнула, гоняясь за вечерней бабочкой, сестричка Тэмулун. Тэмуджин окликнул ее. Та, уже четырехлетняя, выросшая среди братьев не по-девичьи бодрой и порывистой, с готовностью сунула улыбчивое лицо в юрту. Тэмуджин невольно улыбнулся ей в ответ, мягко сказал:

– Сбегай, позови ко мне Бэлгутэя.

Та с достоинством поклонилась, как учили ее матери, резво побежала на южную сторону стойбища, откуда доносились голоса парней.

Бэлгутэй, как обычно, пришел скоро, не заставляя ждать. Подойдя к двери, он сначала робко заглянул в юрту и лишь затем переступил порог. Тэмуджин внимательно следил за ним. Тот смутился от его прямого взора, снял войлочную шапку и сжал в руках, опуская взгляд к земляному полу.

– Садись. – Тэмуджин указал ему на место, где недавно сидел Хасар.

Бэлгутэй вежливо кивнул, прошел, словно крадясь, и осторожно присел, пригнув голову, выжидающе глядя перед собой.

Тэмуджин следил за ним, будто давно не видел его, примечая все движения, и думал: «От одного отца дети, а этот ни на Хасара, ни на Бэктэра нутром не похож... Как же такое может быть?»

– Помнишь, – наконец спросил Тэмуджин, – когда я вернулся из тайчиутского плена, перед всеми объявил, что ты по старшинству будешь следующим моим братом после Хасара?

– Помню, – сказал Бэлгутэй и смолк, смущенно глядя на него.

– В нашем айле ты старший после Хасара человек, – сказал Тэмуджин, внушительно глядя на него, – а как ты себя ведешь?

– А как? – Бэлгутэй недоуменно посмотрел на него. – Я ведь не совершил никакого проступка.

– То, что не совершил проступка, может быть похвально для какого-нибудь харачу, овечьего пастуха, но не для нойонского сына. Ты старше двух остальных братьев, а как ты с ними обращаешься?

Тот молчал и все еще недоуменно смотрел на него.

– Ты должен повелевать ими, направлять их, а вместо этого ты точишь для них наконецники стрел. И какой ты пример им показываешь, если позволяешь кому-то обижать себя?

– Но ведь Хасар старше меня, – наконец, начиная понимать, сказал Бэлгутэй, – я не могу выступить против него.

Тэмуджин некоторое время молчал, размышляя над его словами. Тот был прав: обычай таков, что младший почитает старшего, да и сам он только что сказал, что старший должен повелевать младшими. Но он настоял на своем:

– Хасар поступает с тобой несправедливо. Так или нет?

Бэлгутэй молчал.

– Рядом со мной не бойся ничего и говори прямо, так, как ты сам думаешь. Ведь в вашем споре он неправ?

Помявшись, он согласился:

– Да.

– Так вот, запомни: кто бы ни был перед тобой, если он неправ, ты должен отстаивать свою правоту. Если Хасар будет несправедливо притеснять тебя или кого-нибудь другого, ты должен прийти ко мне и указать на это. Запомнил?

– Да, – потупив взгляд, ответил Бэлгутэй и, помедлив, удивленно переспросил: – Но как же мне идти против старшего? Ведь по обычаю каждый в роду и племени должен повиноваться старшему, а Хасар старший мой брат...

Тэмуджин и сам видел, что, приказывая Бэлгутэю не подчиняться дурному своеволию Хасара, пошел против обычая. Разговаривая с Бэлгутэем, он все время остро думал над этим и теперь решительно заключил:

– Это негодный обычай, и он должен быть отменен.

Бэлгутэй испуганно покосился на онгонов и опустил взгляд. Тэмуджин, не глядя на него, говорил:

– Завтра же утром я объявлю всем братьям, что в нашем айле я отменяю его! Каждый должен думать своей головой. Что, если этот старший окажется сумасшедшим или глупцом, который сам не понимает, что творит?! К чему может привести такое послушание? Да разве

не может человек ошибаться?! Если ты видишь явную глупость или несправедливость, ты должен обратиться к более старшему, чтобы найти истину и исправить положение. Ты понял, как нужно поступать?

– Понял, – повторил Бэлгутэй, все еще раздумывая, неуверенно кося взглядом по сторонам.

– Теперь слушай меня дальше, – вновь приперев его взглядом, продолжал Тэмуджин. – Ты слишком мягок и уступчив, а это не годится для нойонского сына. Мягкость и уступчивость впору женщине, а не мужчине, да еще нойону. От такого человека для нашей семьи не будет пользы. Поэтому ты должен крепить свое нутро, чтобы дух твой стал твердым. Ты должен быть готов побить или убить всякого, кто позарится на твое достоинство или право. Для этого я и буду тебя учить, как учат щенков, ведь знаешь как? Щенков травят на драку, чтобы стали злыми, так и я тебя буду учить. С завтрашнего дня ты каждый день будешь бороться с Хасаром. Ничего, что он на год старше тебя, если будешь стараться, может быть, когда-нибудь и повалишь его, но не это главное. Главное в том, что ты привыкнешь бороться с тем, кто сильнее тебя, и тогда избавишься от боязни. А если не будешь бояться Хасара, не будешь бояться никого на свете. Ну, как думаешь, хорошо будет или плохо – никого не бояться?

– Да, – согласился Бэлгутэй, – это будет хорошо.

– Тогда иди и готовься.

С того дня Бэлгутэй ежедневно боролся с Хасаром на виду у всех. Каждый вечер после всех дел братья и нукеры собирались за юртами, и в круг выходили два брата.

Бэлгутэй был слаб и медлителен против Хасара, но старался. Падал и вставал, вытирая слезы на щеках, преодолевая боль и боязнь, и снова шел на сильного брата.

Тэмуджин еще раз поговорил с Хасаром и велел ему пожестче натаскивать Бэлгутэя в борьбе.

– Но не вздумай калечить или мучить без надобности, – строго предупредил он. – Не ломай ему дух. Среди нас, сыновей Есугея-багатура, не должно быть слабых – от таких нам нет никакой пользы. Понимаешь ты, о чем я говорю?

– Понимаю, брат, – наконец уразумел тот его мысль и дал слово: – Буду учить Бэлгутэя как младшего брата.

IV

Вскоре еще одну выходку строптивного Хасара пришлось рассудить Тэмуджину.

В один из поздних осенних дней он отправил братьев с нукерами на разведку прохода за соседний хребет – за рекой, к западу от стойбища. Те выехали все вместе перед полуднем, а возвратились вечером врозь. Первыми прибыли Хасар с Бэлгутэем и Хачиуном, позже – Боорчи и Джэлмэ.

Тэмуджин, встречая братьев у коновязи, по хмурым их лицам почувствовал неладное и прямо спросил у Хасара:

– Что случилось? Где Боорчи и Джэлмэ?

– Не знаю, где они там бродят, – огрызнулся тот, слезая с коня. – а только мы больше с ними ездить не будем.

Тэмуджин вплотную подошел к нему.

– Говори, что случилось?

– Да ничего не случилось! – вскинулся Хасар, возмущенно расширив глаза. – Этому Боорчи захотелось, чтобы я каждый свой шаг по его слову делал. Стали мы там проезжать по краю пропасти, а мой конь взноровился. Не хотел идти, а потом прошел. Мы уже перебрались на ту сторону, а он мне говорит, мол, проведи-ка своего коня еще раз, пусть привыкнет к этому месту. Ну, я ему и сказал, что он не имеет права мне указывать, как мне учить своего коня...

– Что дальше?

– Ничего, – тот пожал плечами. – Когда мы съездили за хребет, на обратном пути я со своими вырвался вперед и поехал по короткой дороге.

– Так все было? – спросил Тэмуджин у Бэлгутэя и Хачиуна.

– Так и было, – подтвердил Хачиун и заговорил торопясь, скороговоркой: – Да разве может какой-то харачу указывать нам, сыновьям Есугея? Они ведь нукеры, а не нойоны...

– Замолчи! – одернул его Тэмуджин и посмотрел на Бэлгутэя: – Ты тоже так думаешь?

Тот поерзал, переминаясь на ногах, и подтвердил:

– Ведь мы нойоны, а они – харачу.

Тэмуджин долго молчал. Глухое раздражение, желание тут же раздать братьям подзатыльники, наказать всех троих боролись в нем с холодным рассудком, с осознанием того, что грубость и сила здесь не помогут. Надо было убедить их в выгоде добрых отношений с нукерами.

– А чем вы, нойоны, лучше их, харачу? – сдерживая нетерпение, спросил Тэмуджин. – Вот Джэлмэ умеет ковать оружие, да и знает намного больше вас обо всем. Вы же с разинутыми ртами слушаете его, когда он начинает свои рассказы. А Боорчи... Если бы он не помог мне тогда, когда у нас угнали коней, вы все сейчас пешком ходили бы, как хамниганы³. А сами вы кто есть из себя? Что вы сделали такого, что можете сказать, что лучше их? Ведь от вас пока что ни для кого никакой пользы не было. С вами возятся, вас учат, а вы еще артачитесь...

Братья, одинаково побурев лицами, глядели в землю. Хасар тяжело сопел, у него пошевеливались ноздри, вздувались желваки на скулах.

– А почему они у нас живут и помогают нам? – спрашивал их Тэмуджин. – Для кого и для чего стараются, вы подумали об этом? Они что, наши рабы, по наследству к нам перешли? Отвечай мне, Хасар!

– Нет, не рабы, – выдавил тот и отвернулся.

– Тогда почему они пришли к нам, какая им выгода? Ведь у нас нет ни подданных, ни войска, ни стад и табунов, ведь мы сами второй год скрываемся от людей!

---

³ Хамниганы – лесные люди. Монголы так называли эвенков.

Братья молчали.

– Не знаете?.. Тогда я вам скажу. Они пришли потому, что они лучшие люди во всей степи – умнейшие из умнейших, честнейшие из честнейших. Когда все другие как бараны поплелись за этими никчемными нойонами во главе с Таргудаем, они не пошли за ними. Они увидели, что у них нет правды. Они пошли за мной, потому что надеются, что я смогу устроить лучшую жизнь, создать новый улус – на правде и законе, где не грабят беззащитных, где каждый получает по праву. Они на меня надеются! А вы что делаете? Ведь вы своим глупым гонором всех оттолкнете, и больше никто к нам не будет приходить. Если хотите восстановить отцовский улус, думайте головами, иначе с одним лишь именем, что дети Есугея, и останетесь. Поняли вы?

– Поняли, – тут же промолвили Хачиун и Бэлгутэй, оглядываясь на Хасара.

Тот молчал, упрямо хмурия брови. Тэмуджин требовательно смотрел на него.

– Понял я, – проворчал тот, пряча взгляд в сторону.

Скоро показались нукеры. С невозмутимыми лицами те приблизились и слезли с лошадей. У Боорчи на губах играла легкая, все понимающая улыбка. Джэлмэ, как всегда, был бесстрастен.

– Пойдемте все, поговорим, – позвал Тэмуджин и первым пошел в большую юрту.

Бортэ хлопотала на женской стороне. Она взглянула на них и по лицам их поняла, что разговор будет мужской, быстро собралась и ушла в молочную юрту.

Все расселись по своим местам: братья по правую руку от Тэмуджина, нукеры – со стороны двери. Женская сторона оставалась пустой.

– Пора окончательно установить порядок между нами, – сказал Тэмуджин, оглядывая посуровевшие их лица. – Вы, мои нукеры, простите вину моего младшего брата, по своей глупости он стал артачиться перед вами. Он уже дал зарок, что ни словом, ни делом не будет больше перечить вам, и я тому буду порукой. А вы, мои младшие братья, запомните навсегда: если вы мои братья по крови, то нукеры – мои братья по оружию. Если вы меня почитаете, то должны не меньше почитать и моих нукеров. Кто из вас, моих братьев и нукеров, старше? По крови старше вы, мои братья, потому и сидите ближе ко мне, но годами, силой и умом нукеры старше вас. Если на наше стойбище нападут враги, кто из вас лучше знает, как защитить наше знамя и очаг, нашу семью? Нукеры. И потому до тех пор, пока вы не повзрослеете, мои нукеры будут считаться старше вас и вы должны слушаться их. А в будущем, когда мы вернем отцовский улус и вы, как правнуки Хабула, вступите в свои права, у вас будут свои нукеры, тогда и будете ими распоряжаться. Согласны со мной?

– Согласны, – хором выдохнули братья, и впервые Тэмуджин увидел на их лицах что-то похожее на удовлетворение.

– Хасар, – Тэмуджин помягчел лицом, улыбнулся глазами, – доставай архи и чаши, выпьем за новый закон, который я устанавливаю между вами: в нашем айле в мужских и воинских делах старшими после меня будут мои нукеры, и вы должны их слушаться.

Тот с бесстрастным лицом поднялся и направился к полкам на женской стороне.

V

Бортэ быстро прижилась в новой семье, понравилась матерям и прочно заняла место рядом с ними. В первый же день после свадьбы, когда Тэмуджин с братьями уехал к керейтскому хану, она с почтительным поклоном отобрала у Сочигэл подойник, и с того дня матери не подходили к коровам. За что бы ни брались Оэлун и Сочигэл – масло ли сбивать, шкуры ли разминать, – к ним тут же подбегала Бортэ со светлой улыбкой на лице и ласково освобождала их от работы. Вместе с Хоахчин она справлялась со всем небольшим их хозяйством, а если не успевала – звала на помощь Хачиуна и Тэмугэ.

– Теперь вам нужно отдыхать, – говорила она свекровкам. – Сейчас моя очередь потрудиться.

Те с великой радостью отходили от хлопотных дел, переводя дух, отпускали хвалу невестке, а сами брались за шитье, до которого раньше не доходили руки, осматривали зимние одежды сыновей, перебирали накопившиеся звериные шкуры.

Оэлун с удивлением заметила, что, хотя невестку в их доме никто не принуждает, та сама старается соблюдать все запреты, положенные по обычаю молодой снохе: никогда не повернется спиной к онгонам, к очагу, к свекровкам, не прикаснется к мужскому снаряжению, не переступит в юрте на мужскую половину. Даже в пылу работы, в спешке, она, искусно изворачиваясь, безошибочно занимала нужное положение. И Оэлун с радостью убеждалась в том, что невестка имеет хорошую выучку от своих родителей, как и сама она когда-то, получила настоящее воспитание. И оттого Оэлун исполнилась еще большей привязанностью к невестке, радуясь, что сыну досталась такая жена.

«Тяжелая доля с самой юности выпала, – с жалостью думала она о сыне, – нойонский сын, а живет вдали от людей, скрывается, словно вор или разбойник, так хоть пусть жена такая будет, что не каждому счастливицу достанется. С такой он и в молодости, и в старости будет счастлив».

Сочигэл тоже была довольна: до сих пор в доме она считалась младшей женщиной, а теперь и ей стали оказывать знаки почтения; и за очагом, когда собиралось все семейство, теперь она сидела не ниже всех, как раньше. Горделивому ее нраву это было по нутру и она благоволила невестке. Она и сама при молодой женщине в доме как-то встряхнулась, оживилась, с каких-то пор стала доставать из сундуков свои шелковые халаты и украшения, снова белила и румянила лицо, забавляла всех своими острыми шутками и смешными рассказами.

Высоко оценил свою жену и Тэмуджин. Он крепко запомнил и часто с теплотой вспоминал, как его молодая жена восприняла то, что он прямо со своей свадьбы, сразу же после проводов сватов, поехал к хану Тогорилу. Тогда, после разговора с матерью, он объявил Бортэ о своем решении ехать в дальний путь. Не только упрека или досады, как он ожидал, но даже и тени удивления не увидел на ее лице Тэмуджин. Бортэ восприняла его поступок как должное. Бесстрастно выслушав, она лишь помолчала, свыкаясь с неизбежным, кивнула головой и тут же стала готовить ему в путь нужные вещи. Спокойным и разумным своим поведением она как будто говорила всем окружающим: «Муж мой, воин и нойон, знает, что нужно делать, а остальные должны повиноваться его решению».

Тэмуджин в ту самую пору, всем нутром пребывая в тревогах и заботах, не обратил на это особенного внимания, но позже, вспоминая, он со всей полнотой оценил достойное поведение своей жены. Он убедился, что боги послали ему женщину очень высокого ума, способную быть супругой большого вождя. Глядя на нее, и обе матери, как показалось Тэмуджину, стали вести себя с ним более почтительно, не противились, как раньше, его желаниям.

«Сама она дочь нойона, – задумывался он о жене на досуге, – видно, что привычна к разным поворотам. Да и родители, должно быть, подсказали ей, как нужно вести себя при муже, в новой семье».

Беседуя с ней, он всегда чувствовал, что жена легко улавливает его мысли, понимает его думы. И, оставаясь с ней наедине, Тэмуджин все чаще стал открывать ей свои потаенные замыслы.

Около месяца после их свадьбы между ними произошел разговор. Был поздний вечер, они были в юрте одни. Тэмуджин, сидя у очага, долго думал, прежде чем начать.

Бортэ сидела рядом, подшивала к его зимним унтам новую подошву. Попеременно беря в руку железное шило и костяную иглу, ловко орудуя, она стежку за стежкой быстро натягивала крепкую нить из сухожилий.

– Бортэ, – сказал Тэмуджин, – давай поговорим.

Она остановила работу, внимательно посмотрела на него и отложила шитье. Запасаясь терпением, молча ждала. Тэмуджин, прищурился глаза на огонь, все еще молчал, не зная, как начать.

– Говори, – сказала она и ласково взяла его за руку, – все, что будет тобой сказано, я пойму и приму.

– Я должен стать ханом, – сказал он, отчего-то взволновавшись и мучительно подбирая слова. – Я должен объединить все роды нашего племени, чтобы больше не было войны, чтобы люди не убивали друг друга... Для этого я должен больше думать о благе племени и поменьше заботиться о своих нуждах. Я часто буду отлучаться от дома, ездить по делам других родов, а тебе придется запастись терпением и трудиться дома за себя и за меня.

Бортэ долго молчала. Тэмуджин ждал ответа, боясь, что она не поймет и так же, как матери Оэлун и Сочигэл, испугается его слов и станет отговаривать, говоря, что дело это трудное и опасное, что он еще не получил даже отцовского улуса, а думать о большем сейчас неразумно, что время покажет, как жить. Но у той было другое лицо. Со светлыми, восторженными глазами она смотрела сначала на огонь, потом перевела взгляд на него и тепло сказала:

– Я когда-то в детстве слышала слова моего деда, что у больших людей большие помыслы, у малых – малые, что мышь ходит до соседнего холма, а конь достигнет и крайнего моря. У тебя, это видно, ум большой, значит, будешь большим человеком. С тобой и сейчас взрослые и знатные разговаривают, как с равным. И к кереитскому хану после нашей свадьбы ведь ты не просто так ездил. Такие люди, как ты, должно быть, и становятся ханами. Делай свое дело, а я буду стараться в женских делах. И еду повкуснее сготовить да накормить тебя не заставлю ждать, и согреть тебя с холода своим горячим телом буду готова всегда, и придется тебе перед народом достойно будет во что. Делай свое дело, а я уже сейчас вижу, что ты станешь ханом, если богам будет угодно. – Подумав, она с улыбкой добавила: – Уж если ты сумел забрать меня у моего отца, своего ты и здесь добьешься...

Радостным жаром обдало тогда Тэмуджина. Быстро потянувшись, он схватил Бортэ в охапку, посадил к себе на колени и крепко, изо всех сил обнял. Ему, которого и родные домочадцы не всегда понимали, не всегда соглашались с ним, радостно было видеть в своей жене единомышленницу, которая с полуслова уловит его думы и без оглядки пойдет за ним по любому пути.

VI

В конце осени, когда в тайге опадали с деревьев листья, Тэмуджин вместе с Боорчи и Джэлмэ ездил к Мэнлигу. Ни с ним, ни с Кокэчу он не виделся со дня своей свадьбы. Расставшись с ними в довольно неопределенных отношениях – не друзьями, как прежде, и не врагами, чему как будто не было явного повода, – теперь, хорошенько все обдумав, он решил возобновить прежние связи.

«Нужно во что бы то ни стало сохранить их в числе моих сторонников, – рассчитывал он, – и тогда Мэнлиг по-прежнему будет присматривать за отцовским войском, чтобы оно не разбежалось прежде времени, а Кокэчу будет заступаться за меня среди шаманов и перед духами. А в будущем, когда придет время возвращать отцовский улус и хан Тогорил обратится к борджигинским нойонам, эти будут действовать снизу и склонять народ под мое знамя...»

На дружбе с ними настаивала и мать Оэлун, повторяя, что не будет счастья тому, кто враждует с шаманами.

Тэмуджин задолго приготовился к этой поездке, старательно обдумав предстоящую встречу с отцовским нукером. Не зная, как Мэнлиг теперь относится к нему, он решил проведать, что у того на уме, да еще между делом выяснить, не узнал ли он как-нибудь о его поездке к хану Тогорилу. В любом случае он поставил цель вновь заручиться расположением влиятельного воина, возродить былую дружбу с ним.

В то же время Тэмуджин хотел дать отцовскому нукеру ясный намек на то, что он не прежний подросток, что время идет вперед и вместе с ним он растет и взрослеет, а когда-нибудь достигнет могущества – и потому не нужно смотреть на него как на малого ребенка. Для этого он взял с собой не братьев, что было бы прилично, когда он едет к близкому его семье человеку, а нукеров. Их он взял для того, чтобы показать Мэнлигу, что он не одинок, что у него есть друзья и что он прибыл к нему как нойон, а не как простой человек.

За несколько дней до поездки Тэмуджин попросил матерей сшить хорошую соболью шапку из тех шкур, которые позапрошлым летом они с Бэктэром получили в подарок от хамниганов. Шапку он повез Мэнлигу тоже с умыслом: с одной стороны, чтобы задобрить, а с другой – показать тому, что перед ним не беспомощный нищий, ищущий подаяния, а хозяин своей жизни, способный одаривать за услуги, что и в будущем он собирается щедро платить за добро, а не жить на готовом и быть кому-то обязанным.

И повод для поездки к нему был найден весомый: нужно было обменять двух мерингов и забрать у него несколько дойных коров – из тех, что остались у того еще от владений отца Есугея. Теперь, когда айл их пополнился новыми людьми, они без труда могли управиться со своим небольшим поголовьем, и поэтому приезд его не должен был сильно удивить Мэнлига.

* * *

Мэнлиг встретил их холодновато. Он вышел на топот коней, с видимым равнодушием оглядел их. Выждав, негромко ответил на приветствие и знаком пригласил в юрту.

«Видно, он знал, что мы приедем, – тая беспокойство под добродушной улыбкой, Тэмуджин сошел с жеребца, – наверно, Кокэчу каким-нибудь своим способом узнал и предупредил его... Но знают ли они о моей поездке к Тогорилу?..»

Тэмуджин сел на хойморе рядом с хозяином, за ним сели Боорчи и Джэлмэ. Жена Мэнлига, молчаливая, как помнил ее Тэмуджин, суровая видом женщина, поднесла гостям молока. Побрызгав очагу и онгонам, они отпробовали и поставили чаши на стол.

– Мэнлиг-аха, – Тэмуджин взял из рук Боорчи чистый замшевый мешок, вынул оттуда высокий, пышно вышитый соболий малахай, – в знак нашей дружбы я привез тебе небольшой подарок...

Он надел его на голову Мэнлигу, успев заметить, как у того потеплели глаза, довольно сощурились, утопая в мелких морщинках. Тот, было видно, принял его подарок как знак подношения младшего старшему и согласия быть послушным, и сразу размяк духом.

– Я всегда знал, что ты умный парень, – сказал Мэнлиг, обеими руками сняв с головы шапку и любуясь пышным мехом. – Ты знаешь, с кем нужно дружить, а друзья в наше время – главное в жизни.

– Вы с Кокэчу многое сделали для нашей семьи в самую трудную пору, и это мы никогда не забудем, – сказал Тэмуджин и повторил: – Ничто, сделанное вами для нас, никогда не забудется.

Мэнлиг на миг прижмурил глаза, ища затаенный смысл в его словах, и тут же безмятежно посмотрел на него.

Тэмуджин был рад, что отношения между ними вновь налаживаются, и старался задобрить его окончательно.

– Верно вы сказали, Мэнлиг-аха, в наше время без друзей ничего не достигнешь, и ваша дружба для меня очень дорога. Ведь главное нам с вами хорошие отношения сохранить и в будущем всегда быть заодно. Тогда нас никто не одолеет.

– Ты становишься взрослым, а ум у тебя в крови, от предков! – похвалил его Мэнлиг, с улыбкой глядя на него. – Вот за что я тебя люблю – за ум! Правильно ты говоришь: кругом у нас враги, все готовы загрызть, так как же нам с тобой не помогать друг другу, ведь у нас с тобой рядом никого и нет. Я, ты да твой друг и мой сын Кокэчу, и еще наше войско – вот и вся наша сила...

Тэмуджин понял, что Мэнлиг ничего не знает о его поездке к Тогорилу, и успокоенно перевел дух.

За угощением они долго беседовали о положении в степи, о том, что происходит в племени. Мэнлиг скоро убрал с лица добродушную улыбку и теперь покровительственно поглядывал на него, подчеркивая свое старшинство. Он внушительно говорил о том, чего они вместе должны добиваться.

– Единства в племени теперь не будет, северные и южные роды окончательно разошлись, и это нам на руку, – склонившись вперед, он пристально смотрел на него. – Борджигины отныне будут стараться бить керуленских как можно сильнее, те же будут огрызаться как обреченные волки, которых прижали к горной скале. Вражда между ними с каждым днем будет углубляться: пролитой крови будет все больше, а там пойдет такая взаимная месть, что не найдешь уже правых и неправых. И они будут воевать до тех пор, пока не ослабнут окончательно. А когда они придут к тому крайнему положению, что знать не будут, что им всем дальше делать, вот тут мы с тобой выступим со своим войском и объединим весь народ под твоим именем. И ты, как когда-то твой прадед, поднимешь знамя племени.

«Вон чем он хочет воспользоваться! – думал Тэмуджин, слушая его. – Войной между родами... И одним разом хочет все племя захватить, и северных, и южных, с тайчиутами и джадаранами, со всеми без остатка... И добиться этого он хочет, используя мое знамя... Ну нет, сейчас я хочу лишь вернуть отцовский улус и больше ничего... И радоваться тому, что роды проливают между собой кровь, не могу. Ханом, как предсказывали мне шаманы, стану, если меня другие выберут, но навязываться насильно, да еще дождавшись, когда все обессилит, – это не по мне!»

Однако, избегая споров, он умолчал об этом, сказав лишь:

– Будь моя воля, я бы прямо сейчас прекратил грызню в племени. Нельзя ли как-нибудь положить этому конец?

Мэнлиг усмехнулся, развел руками:

– А как мы можем это сделать? Ведь это сами люди хотят воевать! Никто их не заставляет!

– Как же так? – Тэмуджин удивленно посмотрел на него. – А Таргудай и другие нойоны? Ведь это они гонят людей на войну, они заставляют...

– Эти только ведут толпу, как волчью стаю ведут вожаки. Если бы люди сами не хотели, никто не смог бы их заставить. Ведь нельзя людей заставить есть траву, потому что они не хотят ее есть, а убивать друг друга они хотят, чтобы отнять добро у других, чтобы жилось им сытно. А высокие и красивые слова лишь для того, чтобы оправдать себя и повести за собой других, и слова всегда найдутся...

Тэмуджин слушал его задумавшись. Слов против доводов старого воина что-то не находилось.

– И до тех пор они будут резать друг друга, – внушал ему тот, – пока не устанут лить кровь, пока не увидят, что на этом пути им всем скоро конец: некому станет продолжить род, некому будет пасти скот и охотиться. Да и на самих, обессиленных войной, могут напасть другие и забрать в рабство... И вот когда поймут это, они захотят вернуться к мирной жизни, возжаждут покоя и без раздумий пойдут за тем, кто призовет их к миру, заставит всех убрать оружие. Так всегда было, так всегда и будет, пока люди живут на свете.

Тэмуджин, оторвавшись от дум, спросил:

– А нельзя ли хотя бы войско отца удержать в стороне от войны? Им-то ведь не за что воевать.

– Прямо отказаться от войны нельзя, – сказал Мэнлиг. – Ведь семьи наших воинов держат скот на джадаранских пастбищах по уговору, что будут с оружием стоять за них. Если они откажутся, то керуленские монголы прогонят их, и тогда останется им идти с повинной головой обратно к Таргудая, и попадут они на ту же войну, только с другой стороны, да в самое пекло. А главное, потом их Таргудай разбросает по разным местам, они разбредутся, и уже не соберешь их.

– А если им на время укочевать в другие земли? – допытывался Тэмуджин. – Например, в керейтские степи...

Тут он едва не поперхнулся словами, смолкнув, и опасливо покосился на Мэнлига: не выдал ли свою тайну, упомянув о керейтской стороне? Однако тот оставался беспечен. На некоторое время он задумался над его предложением, но тут же отверг:

– Нет. Тогда у нас с тобой не будет никакого веса в племени. Нам скажут: вы жили в стороне, так и живите, не лезьте в наши дела. Поэтому нам сейчас надо быть в самой гуще, чтобы потом наше слово было значимо.

– Ведь погибнут люди, – неуверенно спорил с ним Тэмуджин.

– Ну, без потерь не обойтись, – нахмурился Мэнлиг, – но наши тысячники не такие глупцы, чтобы в чужой войне совать свои головы под удар. Они сэберегут людей.

Немного успокоившись, Тэмуджин перевел разговор на другое, стал расспрашивать о положении у южных монголов. Мэнлиг подробно объяснял ему:

– Если раньше борджигинские роды были едины и все держались вокруг киятов и тайчиутов, то керуленские жили порознь, они не смотрели друг на друга как на близких соплеменников. Только теперь, когда борджигины стали нападать на них, они начинают объединяться. Самые сильные среди них джадараны, вокруг них все и сбиваются, а у самих джадаранов все держится на одном Хара Хадане. Братья его – люди мелкие, глупые, далеко им до старшего. У других керуленских родов тоже нет такого, как Хара Хадан, который мог бы собрать всех вокруг себя. У одних, как твой тесть Дэй Сэсэн, сил мало, у других, как баяуты или джелаиры, есть силы, но нет ума и духа. Так что нам с нашим войском только Хара Хадан и нужно держаться...

* * *

Обратно Тэмуджин ехал, гоня вместе с нукерами свое небольшое стадо, и обдумывал разговор с Мэнлигом. Он был доволен, что отношения между ними вновь наладились. «Когда придет хан Тогорил, тогда посмотрю, как Мэнлиг поведет себя, а пока он будет со мной», – думал он.

Но больше всего поразили его слова о том, что никто людей не заставляет воевать, что они сами желают уничтожить друг друга.

«Ведь нельзя заставить людей есть траву... – тяжелой правдой звучали слова отцовского нукера. – А губить других они готовы, они хотят забрать чужое добро, чтобы самим жилось хорошо...»

Мысль эта занозой сидела в голове и не отступала.

«Выходит, все люди виноваты в нынешних бедах, – думал он, – а не одни такие, как Таргудай. Они с радостью идут за теми, кто ведет их грабить и убивать... Тогда чем же люди отличаются от животных, от волков и медведей? А как же разум у людей? К чему тогда все слова о справедливости, мужестве и отваге, которые люди произносят все время, если они думают лишь о себе и о том, как нажиться, хотя бы и за счет убийства других?»

Не придя ни к чему, поколебавшись, он подозвал к себе нукеров. Те отстали от коров и коней, которых гнали, подъехали к нему.

– Вы запомнили, что говорил Мэнлиг о людях? – спросил он. – О том, что они сами хотят войны.

– Помним, – ответил Джэлмэ.

– Что вы думаете об этом, прав он или нет? – Тэмуджин с притворной беспечностью посматривал на них.

– Правильно он говорит, – сказал Боорчи, – каждый хочет что-нибудь отобрать у другого, вот и воюют люди.

– Ну, разве все только из-за этого воюют? – подавляя в себе недовольство, сказал Тэмуджин. – Есть ведь и такие, которые защищают свои улусы, мстят за кровь предков, сородичей.

– Есть, – пожал плечами тот, – только сегодня они защищаются, теряют сородичей, страдают и плачут, а завтра сами нападут и будут так же убивать, заставят страдать других, а отговорка, верно говорит Мэнлиг, всегда найдется. Все говорят, мол, делаем благородное дело, мстим за кровь предков, когда главное для всех – наgrabить чужое. А нойоны хотят усилиться, власть свою расширить, побольше подданных под себя собрать. Вот и воюют люди.

– А ты что думаешь, Джэлмэ? – спросил Тэмуджин.

– Человек тот же зверь, – подтвердил тот его мысли, – он ничем не отличается от медведя или волка, кроме того только, что он двуногий и в руках у него оружие. Если ему будет угрожать опасность, то он будет убегать и прятаться, а если ему безопасно, то сам нападет и готов будет съесть, чтобы утолить свой голод.

Тэмуджин, внутренне загорячившись, хотел заспорить, разоблачить, но, как и тогда, при Мэнлиге, не нашел весомых доводов и промолчал.

VII

Новые столкновения между ононскими и керуленскими монголами начались в пору зимней облавной охоты, когда родовые отряды были в сборе, а оружие и снаряжение у воинов, по древнему обычаю тщательно приготавливаемое к строевому смотру перед охотой, находилось в лучшем виде.

В этот год все монгольские роды, каждый из которых в летнее нашествие чужеземцев потерял немалые части своих стад, старались сберечь оставшееся поголовье, почти не резали скот, обходясь кто рыбой, кто птицей и тарбаганами, а теперь они с первым же снегом бросились добывать звериное мясо.

Издавна сложилось так, что ононские борджигины охотились в своих северных горных дебрях, где не было недостатка в богатых зверем долинах, а керуленские роды ходили по верховьям своей реки, в южных отрогах Хэнтэйских гор, да еще им оставались сухие степи по обе стороны Керулена, где паслись неслучайные стада дзеренов. Из года в год в эту пору отряды южных и северных монголов передвигались по своим путям, и до сих пор ни те, ни другие не меняли направления движения своих войск.

На этот же раз борджигины, в течение первого зимнего месяца обойдя свои горные пади, вдруг стремительным прыжком переметнулись на юг, в сторону Керулена. Редкие очевидцы, оказавшиеся на их пути и издали видевшие рысящие борджигинские колонны, думали, что те захотели пополнить свою охотничью добычу стадами дзеренов, пасшихся здесь. Однако в окрестностях горы Бэрх те с ходу захватили в снежной степи несколько олхонутских и хонгиратских лошадиных табунов, перебили немногочисленную охрану. В другом месте они забрали один из куреней джелаиров, и всем стало ясно, что борджигины пришли не охотиться, а продолжить свои нападки на южных соплеменников. Вновь в монгольской степи запахло кровью.

Перед этим в зимней ставке Таргудая на южном берегу Онона – в том самом месте, что и в прошлую зиму, когда в плену у него пребывал Тэмуджин, – собрался совет борджигинских нойонов.

Совет шел в айле Таргудая. Хозяин заранее приготовился к важному событию, обставил все пышно и торжественно: своими руками зарезал черного жеребца, возжег огонь на внешнем очаге и принес жертву восточным военным хаганам.

Из большой юрты по такому случаю были убраны домашние пожитки, войлочный пол сверху был устлан яркими сартаульскими коврами. Вдоль стен восседали созванные со всей долины родовые нойоны – тайчиуты, кияты, бесуды, арулады, баруласы, буданы, сониды, сулдусы, оронары, хабтурхасы, другие... Между тайчиутами теснились ближние нукеры Таргудая – те, что были при нем во время летнего отступления в низовье.

Сам хозяин, одетый в синий шелковый халат, в белую, как снег, войлочную шапку, на которой были вышиты знаки его родовой тамги, важно возвышался на хойморе. Вновь уверенный в своей власти, в том, что нойоны и нукеры послушны ему, он с суровым видом посматривал вокруг.

Выждав, когда расселись последние запоздавшие, найдя свои места по старшинству и родовитости, он еще раз оглядел лица нойонов и неспешно заговорил.

Гости, съехавшиеся второпях по грозному его зову, еще не зная, о чем будет разговор, поначалу напряженно внимали его словам, стараясь понять, к чему он ведет. Скоро, по ходу витиеватой его речи уловив смысл, они начали радостно кивать, трясая бородами, пышными лисьими и выдровыми шапками.

Таргудай, тая в сдержанном, степенном голосе ликующее торжество, возглашал:

– Настало время нам рассчитаться с этими негодными людьми. Это они виноваты во всех наших бедах, из-за них мы пострадали и лишились табунов. Они сложили оружие в то

время, когда чужеземцы угоняли наш скот. Они спасали свои ничемные жизни, когда мы, не покорившись врагам, отступали в низовья и там, подобно раненым волкам, огрызались от пришельцев. Теперь пришло время отмщения – мы разгромим их, заберем у них все, табуны и подданных. Я, ваш старший нойон, даю вам это право... Нукеры мои и младшие братья! – В этом месте он радостно возвысил голос, оглядывая всех и поднимая толстый указательный палец. – Вы помните, я еще там, на Аге, обещал вам: если будете верны мне, я вам найду хорошую добычу. Сейчас я вам эту добычу даю. Все, что увидите и сможете взять по обоим берегам Керулена, ваше! Заберите себе все, вы – законные хозяева!..

– Хурай! – иступленно взревели нойоны и нукеры. – Верно указывает нам Таргудай-нойон!

– Пора наказать этих предателей!

– Пусть возмещают наши потери!

– Так будет справедливо!

– А если они заартачатся, тогда мы их всех уничтожим! – гремел рев охрипшего на охоте Бури Бухэ, покрывая голоса остальных. – Чтобы больше не было в нашем племени предателей!

– Всех до одного истребим! – вразнобой заливались злые голоса. – Вместе с детьми вырежем!

– Саблями порубим, копьями поколем! – орал Бури Бухэ.

– А подданных себе заберем.

– Наконец-то у нас наладится жизнь!

Увидев долгожданный выход накопившейся в них великой злобе – на порушенную в последние годы жизнь в племени, на то, что исчезли прежние покой и благополучие, – борджигинские нойоны ликовали в предчувствии мести и богатой добычи. Несказанно обрадовались они возможности восполнить свои потери в стадах и обрести новых подданных.

Когда гомон немного поутих, неожиданно раздался бесстрастный голос пожилого оронарского нойона. Хмуρο поглядывая на остальных, он задумчиво сказал:

– Дело это непростое, наскоком нельзя его решать. Сначала надо бы хорошенько подумать, чтобы не вышло ошибки. Все-таки не чужие нам керуленские монголы, а наши кровные соплеменники. Если между нами начнется война, потом нелегко будет ее остановить. Рекой будет литься кровь, а к чему все это нас приведет? Нет, надо хорошенько подумать нам...

– О чем ты говоришь? – недоуменно оглянулся на него хабтурхасский нойон. – Что тут тебе еще непонятно?

– Сначала надо разобраться, они ли на самом деле виноваты в наших бедах, – сказал оронар.

Тут же раздраженно вскричали тайчиуты и ближние к ним нойоны:

– А кто тогда виноват, если не они?..

– Ты что запутываешь нам дело!

– Ум свой хочешь показать?

– А он всегда так: один он умный, а вокруг все глупцы.

– Все уже ясно! Нечего раздумывать.

Таргудай, в мстительной усмешке скривив губы, выжидающе потупил взгляд. Оронарский нойон, видно, хотел сказать в ответ всем что-то весомое, он вскинул голову и решительно оглядел других нойонов, но тут заметил изменившееся лицо Таргудая, злобно прищуренные глаза. Он подумал о чем-то про себя и как-то разом сник. Смущенно пожав плечами, примирительно сказал:

– Что мне перед вами показывать? Говорю лишь, как бы ошибки не было... Даже если и отгоним у них скот, сами они просто так не дадутся нам в руки. Джадараны и джелаиры сильны, вокруг них соберутся другие роды. Могут уйти в другие земли, и тогда обнажатся наши южные границы. Нам же будет хуже. Кто будет нас с той стороны прикрывать?

Но нойоны, уже почуяв запах добычи, не желали отказываться от нее. Они решительно отмахнулись от доводов оронара:

– Пусть уходят!

– И без них сможем защититься.

– Где были эти твои керуленские, когда летом пришли онгуты и чжурчжени? – кричал на него бугунодский нойон. – Разве защищали они наши границы?

– От них давно нет никакой пользы! – в общем гомоне смешивался радостный голос Даритая.

Когда покончили с этим, заговорил другой, сулдусский нойон. Глядя перед собой и раздумчиво пожимая плечами, он сказал:

– И вправду, что будет с теми пастбищами? Мы погромим керуленских, а они, скорее всего, укочуют оттуда...

– Верно, что будет с теми землями? – загомонили другие, переглядываясь между собой. – Как бы потом чужие туда не прикочевали.

Взгляды устремились на Таргудая. Наступила тишина, нойоны, не смея шуметь, когда говорит он, почтительно смолкли. Таргудай, хриплым кашлем прочистив горло, стал разъяснять:

– Сначала мы разгромим керуленских, упадем как снег на голову на их курени, заберем все богатства, табуны и подданных, а с пастбищами мы уж найдем, как обойтись. Об этом не нужно тревожиться. На Керулене вас немалая добыча ждет, умножится ваш скот, а где их держать? Да и роды наши борджигинские разрослись, у вас самих подрастают дети да племянники, скоро их надо будет наделять владениями. Нам всем станет тесно на Ононе. А травы на Керулене хорошие, тучные. Наступила пора нам новые земли осваивать, владения наши расширять.

– Верно! – еще громче вскричали нойоны; в очаге, словно от ветра, всколыхнулся огонь. – Верную дорогу указывает нам Таргудай-нойон!

Они воодушевленно трясли бородами и шапками, переглядываясь, соглашаясь между собой:

– Мудрая голова у нашего Таргудая!

– Что может быть лучше для племени, чем расширять владения?

– Разве мы сами догадались до такого блага?

– Кто бы нам указал, если не Таргудай-нойон?

Алтан вскочил на ноги, красный от возбуждения, блеснул глазами по рядам, крикнул тонким голосом:

– После победы над южными родами мы поднимем Таргудая-нойона на ханский трон!

– Правильно! – первыми дружно поддержали его тайчиутские нойоны, одобрительно оглядываясь на него.

К ним тут же присоединились другие, вновь загомонили на разные лады хриплые голоса:

– Ведь мы и так собирались выбрать его нашим ханом, да все недосуг было!

– Только он достоин!

– Кто, как не он, ведет нас к лучшей жизни?.. Кто нас всех вел этим летом, когда напали чужеземцы и мы не знали, что делать?..

– Кто не дал нам разбрестись и потеряться в этой степи?..

– Кто тогда умное слово сказал?..

– Только он!

– Мы все за него!..

Нойоны еще долго кричали, состязаясь в славословии, каждый старался показать свою преданность тайчиутскому нойону.

Таргудай, увидев, что давняя мечта его о ханском достоинстве вдруг снова стала близка и доступна, взволнованно перевел дух. Он мысленно произнес молитву западным богам, прося

благословения, и из-под опущенных век одобрительно посмотрел на Алтана, первым выкрикнувшего слово о ханстве.

Киятские нойоны на этом совете впервые за долгое время были удостоены приличествующей им чести. Они были посажены намного выше того места, где в последние годы сидели на советах борджигинских нойонов. Раньше они теснились поближе к двери, рядом с самыми захудалыми, теперь же восседали вместе с тайчиутами – у хоймора, по правую руку от Таргудая.

Понимая, что это неспроста, что Таргудай снимает с них опалу, Даритай, Бури Бухэ и Алтан с братьями с самого начала были необычайно возбуждены, глаза их, как в прежние, лучшие годы, блестели горделиво и молодо. Выпрямив спины, они с достоинством поглядывали вокруг и преданно смотрели на Таргудая, громче всех кричали ему славословия.

Таргудай наконец обратил на них свой взор и поднял правую руку, требуя тишины. Снова смолкли голоса, стало тихо. С умиротворенной властностью поглядывая вокруг, Таргудай заговорил:

– Среди нас сидят наши братья кияты...

При этих словах все обернули взоры на опальных до этого дня нойонов, неведомо по какому случаю посаженных рядом с самими тайчиутами. Те, услышав имя своего рода, невольно, словно под порывом холодного ветра, пригнули головы.

– Было время, – Таргудай грустно покачал головой, – кияты имели большие заслуги в нашем племени. Они были сильны и могущественны, много войска и подданных имели, но, – он поднял указательный палец, назидательно и строго посмотрел сначала на них, а потом оглядел других, – надо прямо сказать, они немного зазнались. Перестали слушать других, косо посматривали на нас, на тайчиутов, вот боги и отвернулись от киятов. Подданные стали уходить от них, вот и ко мне перешли несколько тысяч их воинов... Но сейчас, когда жизнь уравняла их со всеми, они образумились и все это трудное время были с нами. И теперь они сидят как прежде рядом с братьями тайчиутами. За это я хочу воздать им по заслугам: на первое время я возвращаю им по триста воинов с семьями и со скотом... Пока по триста! – Он повысил голос, заметив недоуменный, вопросительный взгляд Бури Бухэ. – Как мы покончим с керуленскими, так сразу в ваши улусы и отправлю этих людей... А там будет видно, как дальше себя покажете. Из всех киятов Алтан имеет передо мной больше заслуг, чем остальные, поэтому ему я отдаю пятьсот его прежних воинов и ставлю во главе всех киятов. Отныне все кияты должны слушать Алтана, а он будет за всех отвечать передо мной! Это мой первый закон для вас, киятов!.. Я всегда воздаю всем по заслугам!

И уже не удерживая на своем лице умудренного и степенного выражения, Таргудай запальчиво кричал:

– Тот, кто ведет себя хорошо, получит у меня почет и хорошую жизнь, а кто артачится и мнит о себе неподобающее, того я лишу последнего!

Мелкие зависимые нойоны – те, что сидели поближе к двери, – при этих словах съежились, испуганно забегали глазами.

Алтан преданно смотрел на Таргудая и, не жалея спины, кланялся ему. Торопливо поспевал за ним Даритай, часто нагибая голову и держа перед собою правую руку, будто молился онгонам. Бури Бухэ, хмуро и сконфуженно улыбаясь, тоже пригнул голову. Старательно кланялись Джучи и Гирмау.

Другие нойоны, сидевшие поближе к тайчиутам и киятам, удивленные неслышанным прежде случаем такой щедрости от Таргудая, глядя на осчастливленных киятов, значительно переглядывались между собой, перемигивались. Некоторые на всякий случай – а вдруг снова возвысятся эти кияты? – уже заигрывали с ними, улыбаясь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.